

Сергей Прокопьев

МОЛИТВЕННЫЙ КРУГ

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Молитвенный круг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56076279

SelfPub; 2020

Аннотация

Сергей Прокопьев – называет себя писателем с коротким дыханием, ему больше по нраву жанр рассказа. Среди героев его многочисленных рассказов воины-афганцы, учителя, художники, врачи, инженеры, станочники, ветераны Великой Отечественной войны, конструкторы, церковные бабушки, священники, монахи. В этом сборнике собраны рассказы о людях, которые на каком-то этапе жизни приходят к пониманию: все мы под Богом ходим, а церковь – наш дом.

Содержание

Панихида после артобстрела	4
Аннушка-Айгуль	21
Молитвенный круг	26
Убрус	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Панихида после артобстрела

Окончилась литургия, батюшка прочитал проповедь, прихожане начали прикладываться к кресту. Лида встала в хвост очереди, приложилась, вернулась на клирос. До начала панихиды можно передохнуть. Чувствовала себя уставшей, среди ночи ни с того ни с сего проснулась и часа два, как говорила сама – дежурила. Ворочалась с боку на бок, читала по памяти псалмы, в иных случаях это помогало, но тут сон не шёл, а когда забылась, забубнил будильник в смартфоне. Подниматься не хотелось, да регент поручила читать часы, а значит, надо прийти в церковь пораньше.

В храме осталось человек десять, те, кто ждал панихиду. Лида присела на лавочку, в кармане пиджака завибрировал смартфон (звук на входе в храм отключила), пришла эсэмэска. Лида пробежала глазами по экрану, горло перехватило, поспешно поднялась, бросила подругам-клирошанам:

– Я сейчас.

Быстрым шагом покинула храм, в церковном дворе зашла за вагончик-просфорню и дала волю слезам. Эсэмэску прислал двоюродный брат из Луганской области, вчера был артобстрел, несколько снарядов перепахали угол кладбище, где была похоронена бабушка Фрося. На месте могилы – воронка.

Бабушка умерла пятьдесят лет назад, Лида её почти не

помнит, но в том, что радовалась белому свету, обязана ей. Первый муж матери, военный лётчик, погиб на учениях, она осталась с десятилетним сыном. Сошлась с мужчиной. Жили, не оформляя отношений, и мать забеременела. По образованию фельдшер-акушер, работала в роддоме, к абортам относилась с цинизмом советского медика. Какие проблемы, всё проще простого. Аборт считался стопроцентным средством предохранения от нежелательной беременности. Мужчина, с которым жила, замуж идти за него не предлагал, да она и не рвалась, если говорить честно. Ничего не обязывающие отношения устраивали, а связывать себя ребёнком – опять пелёнки-распашонки – не хотелось. Дескать, это в двадцать лет всё само собой происходит, а когда возраст не девичий... Так что рожать не думала, мысли не было. Она бы и не сказала об этом матери, произошло само собой, за ужином сообщила, что завтра у неё дежурства нет, но надо съездить в роддом, сделать аборт. Сообщила тоном, каким говорят: зуб надо полечить.

На что мать коротко и гневно произнесла:

– Сделаешь аборт – прокляну!

Дочь не ожидала такого поворота. «Прокляну» было сказано настолько грозно, настолько убедительно, что при всем атеизме дочери, она испугалась.

– Рожай, я помогу, – сказала мать, – бывало, с тридцатью справлялась.

Своих детей было восемь человек. А в её деревенской мо-

лодости было заведено, женщину на последних сроках беременности на покос, другие полевые работы не брали, зато её братья и сёстры свой горох, свою малышню отдавали на попечение беременной. Так сказать – лёгкий труд. А так как братьев и сестёр в сумме за десяток перевалило, набиралось племянников полный дом, да ещё свой подрост. Сидеть легкотруднице, любуясь на живот с очередным дитём, представляя, каким оно будет и во что вырастет, не приходилось.

Историю своего появления на свет Божий Лида узнала, когда сама забеременела вне брака. И здесь бабушка, сама того не зная, сказала своё решающее слово. Лидина мать не пугала проклятием, просила хорошо подумать. И роилась Юля.

– Бабушке ты обязана жизнью, – говорила Лиде мать.

Время показало – всё сложнее. Тринадцать последних лет Лидина мама живёт, благодаря Лиде. Сначала был инсульт, хоть и отошла, но пришлось переехать к дочери. Последние два года вообще лежала.

Именем Лида тоже обязана бабушке, быть бы ей Оксаной. Мать заготовила это имя. На что бабушка сказала:

– Нельзя обижать святого, в день которого родился ребёнок...

Мать промолчала, хотя вертелось на языке: «Святую Анастасию ты не обидела, зато меня...» Против Лиды она ничего не имела. Согласилась. Тогда как своё имя не переваривала. Была крещена Анастасией, зарегистрирована под этим име-

нем, и в паспорте оно стояло, но представлялась, как только уехала от матери после десятого касса, исключительно Надеждой Рассуждала: документ документом, а Настями пусть кошек кличут. И все окружающие по взрослой жизни именovali её Надеждой. По данному поводу семейное предание хранит следующую историю. Отец Лиды с матерью расписались без Мендельсона, фаты и лимузинов с куклами на капоте. Мать, решившись рожать Лиду, заявила об этом отцу, и они пошли в загс. У обоих был второй брак, романтический флёр по поводу необходимого свадебного антуража, давно остался в прошлом. Подали заявление, по истечении нужного срока зашли в загс за свидетельством. Как уж отец пропустил нюанс с официальным именем жены, трудно сказать. В загсе, так как бракосочетание проходило без пышных торжеств, обошлось без перекрёстного допроса (такой-то, вы готовы стать мужем такой-то, такая-то, вы готовы стать женой такого-то), паспортное имя невесты во всеуслышанье не прозвучало. В брачное свидетельство у новоиспечённого мужа не возникло желание взглянуть.

Одним словом, был абсолютно уверен – супруга его Надежда.

В тот памятный вечер жена была на дежурстве, позвонил в роддом и попросил к телефону Надежду Васильевну.

– У нас такая не работает, – сказали официальным голосом на другом конце провода.

– Это четвёртый роддом? – отец решил уточнить правиль-

ность набранного номера.

– Да, – уверенно прозвучало в трубке.

– Мне, пожалуйста, позовите к телефону Логинову Надежду Васильевну.

– У нас такой человек не работает, – повторил женский голос. Его обладательница прекрасно понимала, кто нужен незнакомому мужчине, но решила потомить его.

– Как это не работает? – не мог взять в толк отец Лиды. – Логинова у вас ведь работает акушером!

– Да, у нас есть, акушер Логинова, – сказала трубка. – Отличный специалист, её портрет недавно разместили на доске почёта! Но её зовут вовсе не Надежда Васильевна, её зовут Анастасия Васильевна. Мы зовём Ася Васильевна.

– Что значит Анастасия Васильевна? Что значит Ася Васильевна! Не морочьте мне голову! Я – муж Надежды Васильевны.

– Странно, муж не знаете имя жены, – насмешливо, не без кокетства сказала, трубка. – Зовут её Анастасия Васильевна. Запомните, – и сказала по буквам: – А-на-ста-си-я Васильевна.

«Ну, ты зашифровалась», – говорил потом отец матери.

Кстати, у него своя забавная история с именем. Его отца мобилизовали в 1916 году на Первую мировую войну, после которой он оказался в Красной Армии, с частями которой в Хабаровск, почти как в песне: «И на Тихом океане свой окончили поход». Он окончил на берегу Амура.

Сам не в безводной степи родился, пусть не в доме с видом на Иртыш, но приходилось много раз лицезреть эту не самую мелководную на земле реку. Однако Амур покорило величием и красотой. Как ни противилась жена, родив ему сына, младенец получил имя реки, название которой звучало сладкой музыкой в ушах отца. Больше никто эту музыку не слышал. В том числе и сын, он промаялся Амуром до обретения паспорта. Получив сей удостоверяющий личность документ, не уставал демонстрировать родственникам и знакомым, что никакой он больше не Амур Иванович, а Владимир Иванович.

– Представляете, была бы Лидией Амуровной, – при случае смеётся Лида, – кабы отец не исправил себя.

Лиду до четырёх лет воспитывала бабушка Фрося. Внучка называла её мамой. На что родная мама обижалась: вернётся с работы, а дочь не реагирует – ну пришла и пришла тётя, что из того. Лида почти ничего не помнит из того времени, но много позже всплывут в её памяти «Отче наш», «Богородица Дево радуйся», «Спаси, Господи, люди Твоя». До первого класса осеняла себя крестным знаменем, садясь за стол. Крестилась, молитву читала, только после этого начинала трапезничала. Дядя Ваня при встречах всегда вспоминал её «Господи, помилуй» с ударением на «у».

– Ой, смех был глядеть на тебя! Ещё от горшка два вершка, а серьёзно так: «Господи, помилуй».

Мало того, что дома так делала, в гости придёт этакая пи-

галица, за стол пригласят, перед трапезой обязательно перекрестится. Сказывалась бабушкина школа, внучка твёрдо стояла на позиции – так надо. Мать пыталась провести разъяснительную работу, не получилось. Авторитет бабушки был выше. Она уже умерла, Лида вошла в пору раннего детства, которая остаётся в памяти навсегда. Там была уверенность: надо обращаться к Богу со своими нуждами. Мама ли плачет, поругавшись с папой, обнову захотелось получить, подарок, подружки обидели – просила Божьей помощи...

Бабушка подошла к земному пределу неожиданно. Казалось, сносу не будет старухе, вдруг серьёзно заболела, а когда почувствовала – её срок подошёл, заявила дочери, матери Лиды, и сыну Ивану, дяде Лиды, тот жил в Луганской области: ляжет в родную землю и никуда больше. Место её упокоения рядом с родителями, хватит того – муж в чужой стороне. Приехал за ней сын. В Омске бабушка своими ногами вошла в вагон, в Луганске на вокзале встречала «скорая». Вскоре бабушка Фрося легла в родную землю.

Была бабушка из старообрядцев, полное имя Февронья. У Лиды осталась бабушкина икона – массивный, весом в добрые полкилограмма, медный четырехстворчатый складень, на створках изображены двенадцатые праздники. Лида так и не докопалось, откуда старообрядцы пришли на Луганщину, как оказались на просторах Дикого Поля.

Как и везде, жили старообрядцы на Луганщине (села По-

кровское Троицкого уезда ... губернии) крепко. Молились Богу, воспитывали в вере многочисленных детей, широко вели хозяйство. В 1929 году раскулачили трёх братьев рода Якименко: Василия Евдокимовича, мужа бабы Фроси, Петра Евдокимовича и Степана Евдокимовича. Из восьми детей Евдокима Андреевича трое попали под статью. Три сына и две дочери остались на Украине, старших сыновей выслали на север. Евдокиму Андреевичу на то время было шестьдесят три года, он решил ехать с сыновьями. Как не отговаривали, как не убеждали: зачем голову в петлю суёшь, побереги себя, возраст не тот лезешь, ехать незнамо куда. Жена уговаривала, дети просили – не послушался.

– Не могу я сыновей одних отправить неизвестно куда, – отстаивал свой выбор.

Погрузили их с семьями в товарные вагоны и отправили, в Архангельскую область. Привезли на заснеженное голое место, обозначенное колом, старший конвоя объявил: ваш спецпосёлок Шенчуга, расселяйтесь. Семья Василия Евдокимовича с потерями доехала до места ссылки, по дороге умер десятилетний Фома. С двенадцатилетнего Тимофея конвоир сорвал сапожки, объяснив свои действие железной логикой: на севере всё одно загнётесь, жизни там не будет. Обмотали Тимофею ноги тряпьем, не загнулса парнишка. В конечном итоге вырос в уважаемого человека, в сорок пятом Сахалин от японцев освобождал, а потом трудился на острове так, что отметили его орденом Трудового Красного Зна-

мени.

История иконы-складенья, которая осталась у Лиды от бабушки Фроси, восходит к прадеду Евдокиму Андреевичу. Он был среди старообрядцев Луганщины известным человеком, занимался хлеботорговлей, возил пшеницу в Москву, а там знал ся с московскими купцами и заводчиками старообрядцами. Как известно, таковых в Москве было множество. Знал Евдоким Андреевич Рябушинских, Третьяковых... Из Москвы привозил старообрядческие иконы, медные складни. Один такой подарил невестке, а она взяла его с собой на север.

Когда везли раскулаченных через Москву, Евдоким Андреевич столкнулся на вокзале с одним из давних знакомых купцов. Тот подарил шубу со своего плеча: «Бери, Андреич, на северах пригодится». И добавил со вздохом сочувствия: «Ну, ладно, у меня всё забрали, я эксплуататором оказался, а твоих сыновей, тебя за что?»

В первый самый тяжёлый северный год Евдоким Андреевич принёс мешок муки из деревни, что стояла неподалёку от спецпоселения. Богатство из богатств, благодаря той муке, выжили. Местный мужик пожаловался спецпоселенцу: лошади простывают зимой, болеют. Украинец не только подсказал северянину, как сделать тёплый пол в конюшне, помог перестроить её так, чтобы лошади в любой мороз стояли в тепле. Евдоким Андреевич имел в хозяйстве не один десяток лошадей, науку обращения с ними знал досконально.

Роскошную шубу купца тоже выменял за продукты. Был он в свои шестьдесят с небольшим могучим человеком, как настоящий мужик – умел работать любую работу. Но всего четыре года было ему отпущено жизни на севере – умер.

Дед Лиды, Василий Евдокимович, приехал на север в тридцать шесть лет. Работал на железнодорожной станции, на погрузке леса. Случилось это в 1937 году. Стоял апрель, который и на севере месяц весенний... Пригревающее солнце слизывало снег, будило от зимнего анабиоза деревья, землю, яркими лучами обещало скорую зелень, пение птиц. Василия Евдокимовича разморило на солнышке, опёрся о буфер вагона (выполнял обязанности сцепщика) и забылся на какие-то секунды, ставшие роковыми, не услышал, что подали для сцепки вагон. Страшная тяжесть навалилась на грудную клетку... Как и отец, братья, был человеком огромной силы. Многие старообрядцы отличались этим, сказывался здоровый образ жизни. Там где два-три мужика подталкивали вагон, подавая на сцепку, Василий Евдокимович мог один справиться. У Лиды есть фотография – дед в гробу. Даже в гробу выглядел могучим и красивым человеком. Чёрная борода, величественное спокойствие. У гроба восемь детей. Старшему двадцать семь, младшему, Лидиной маме, – четыре.

Пришлось бабушке идти работать, старшие дети могли прокормить себя, четверо младших остались на ней. Мама Лиды попала в детский дом. Не совсем, чтобы в полном по-

нимании детский дом для неё. Ей позволялось ночевать дома, к завтраку шла туда и только после ужина возвращалась домой.

Лида по молодости удивлялась, откуда у матери, выросшей в крестьянской среде, манеры, как после окончания института благородных девиц. Наставляла дочь, как чуть подросла – нельзя выходить к столу неприбранной: в мятом халате, тем более – ночной рубашке, непричёсанной. И вообще, одна ты в квартире или никто тебя не видит, нельзя ходить неопрятной. И без дела не подобает сидеть девушке. Смотришь телевизор, возьми вязание или вышивай. Сама прекрасно вышивала. Её вышивки Лида ревностно хранит. Любила музицировать. И не на балалайке или гармошке – на пианино. В детдоме освоила. Позже несколько лет ходила в музыкальную школу для взрослых. Когда-то были такие. Играла «Полонез Огинского», сонаты Бетховена, исполняла романсы. Голосок имела скромный, но пела. Оказывается, воспитатели детского сада были выпускницами этого самого института благородных девиц. Выслали на спецпоселение из Ленинграда. В первые годы отправляли в Шенчугу только раскулаченных, позже стала местом высылки других неблагонадёжных.

Из трёх братьев лишь один Степан Евдокимович вернулся в Луганскую область. Прежние соседи доложили ему: те, кто раскулачивал их семью и других крепких крестьян, долго болтались на ветру, как пришли немцы. Повесили их окку-

панты. Вовсе не за то, что проводили коллективизацию, казнили, что рьяно служили советской власти. Кто-то принял смерть достойно, а кто-то валялся в ногах у палачей, прося пощады, обещая верность новым хозяевам.

От Шенчуги, в которой родилась Лидина мама, ничего не осталось. Ни домика, ни сарайчика. Лида ездила туда. Стоит мемориальный камень с надписью гласящей, что на этом месте находился самый большой в Коношском районе посёлок спецпоселенцев. Кое-что осталось от кладбища. Где могила деда Василия и прадеда Евдокима, конечно, не найти.

В церковь Лида начала ходить в институте. Ходить – громко сказано. Заходить. Вдруг почувствовала тягу к храму. Спроси, что влекло туда – не объяснит. Идёт мимо, и так захочется войти в ворота, подняться на высокое крыльцо. Как магнитом тянуло. Почему? Конечно, успела нацеплять немало грехов молодости, да только наряд ли это подталкивало переступить порог храма. Пусть томилась душа неправедными поступками, да не знала ни о таинстве исповеди, ни о таинстве причастия. Ничего не знала. Тогда откуда, спрашивается, мысль – тебе надо в церковь? От бабушки она. Молилась праведница в небесных обителях за внучку. Просила Бога вразумить, поставить на путь истинный последнюю её воспитанницу. Много детей, внуков, племянников у неё, за всех молилась, за Лидушку – сугубо, считала себя виноватой перед ней. Как хотела, да не успела, твёрдо вложить в свет-

люю головушку заповедь – жить надо с Богом. Слишком рано расстались. Внучка на лету схватывала молитвы, даже по Псалтири стала осваивать науку чтения... Не вовремя заболела бабушка Фрося, просила Бога повременить год-два, да пришёл её срок, Лида осталась одна...

Лида и хотела зайти в церковь, и трусила. Беспечная студентка мало думала, да и вообще не думала, что может выти боком поход в церковь, как-никак комсомолка. Это не заботило, и всё же что-то сдерживало. Постоит у храма, посмотрит на него и пойдёт дальше. Сподвигла подружка Гульнар. Татарка она никакого отношения к православию не имела, как впрочем, и к мусульманству, шли как-то вдвоём мимо церкви, Лида произнесла:

– Ты знаешь, хочу зайти и жим-жим.

На что Гульнар отреагировала с энтузиазмом:

– А в чём загвоздка – айда! Я уже была здесь.

В церкви царил полумрак, службы не было.

– Давай свечи поставим, – предложила Гульнар.

Они купили по две свечки, поставили. Уходить не хотелось. Чуть слышно потрескивали в тишине горящие фитильки свечей, смотрели с икон лики святых.

После того случая Лида осмелела – раз зашла, уже одна, другой. Узнала об исповеди, причастии. Года через два решила пойти на исповедь, наплакалась под епитрахилью. С замиранием сердца впервые приняла в себя Тело и Кровь Христову. Перед этим покрестилась. В детстве бабуш-

ка Фрося крестила её дома сама, таинство миропомазание не было совершено.

Дочь Юлю в полгода понесла в церковь. Хотела вместе с мужем окрестить, тот отказался со всей категоричностью. Дочь – пожалуйте, если такая блажь влетела в голову, а его – уволь, не пойдёт в церковь.

И всё же уговорила в период массового крещения. Вместе с советской властью ушли препоны к церковным таинствам. Лида увидела в газете объявление о крещении в водах Иртыша. Муж согласился на такой вариант – Иртыш не церковь.

Выехали пораньше, Лида боялась опоздать. На городском пляже, куда газета приглашала на крещение, стояла по колёно в воде группа мужчин и женщин в белых длинных рубахах.

– Во, – сказала Лида, – уже началось. Присоединяйся быстрее.

Муж оказался бдительнее.

– Не-е-е, – сказал недоверчиво, – это какие-то не такие. И священник должен быть.

Лида впала в панику – муж опять откажется.

– Это ведь не церковь, – с жаром стала убеждать супруга, – священник как все оделся в рубаху. Не лезть ему в полном облачении в Иртыш.

– Не знаю. Какое-то левое крещение.

Эти, в рубахах, произнося какие-то речёвки, пошли в глубину.

– Ты видишь, началось, – начала упрасивать Лида. – Иди уже.

– У меня рубахи нет, – заколебался он под напором жены. – В объявлении о рубахе разве говорилось что-то?

– Ничего не говорилось. Какая разница, в плавках иди. Плавки не забыл надеть?

– На мне.

Он почти готов был скидывать штаны и лезть в воду, когда на набережной показались три священнослужителя.

– Во, Олег Ворона, – узнал муж в одном из священников одноклассника. – Сейчас он меня по блату и окрестит.

Муж, вспоминая то своё крещение, смеялся и укорял Лиду:

– Без малого не осквернился из-за тебя с этими сектантами.

В рубахах неоязычники совершали в волнах Иртыша своё действие.

К церкви муж не прибился, хотя одноклассник звал в свой приход, пару раз звонил после крещения. Лида была готова идти, и когда приятельница пригласили на клирос в открывшийся неподалёку от дома храм, пошла туда одна. Музыкальную грамоту знала. Фортепиано в доме появилось задолго до рождения Лиды. Вовсе не было оно мебелью для сбора пыли. Мать любила, вернувшись с работы и переодевшись, сесть на полчаса за инструмент. «Я так отходу от всего», – говорила. Но дочери, как ни старалась, привить лю-

бовь к фортепиано не удалось. Отдала Лиду в семь лет в музыкальную школу, та проучилась три с половиной года и бросила. Та самая лень-матушка: подружки на улице гуляют, а ей до, ре, ми, фа, соль извлекай часами. Заявила со всей категоричность: не хочу, не буду. И всё же кое-какие, навыки приобрела, на клиросе ой как пригодилось.

Лида поймала себя на желании закурить. Давным-давно бросила, и вдруг остро захотелось затянуться сигаретным дымом. Вытерла глаза носовым платочком, быстрым шагом направилась в храм. Батюшка ещё не начал службу, был в алтаре, Лида остановилась у свечной лавки и стала перечислять имена на панихиду. Первой назвала бабушку Фросю – Ефросинию, за ней деда Василия, прадеда Евдокима, дальше пошли дяди и тётки, двоюродные братья и сёстры.

– Деньги после службы, – сказала церковному казначею Вере, которая подменяла заболевшего продавца, – сейчас не успею.

– Хорошо-хорошо, – согласилась Вера и протянула список с именами на панихиду. – Передай батюшке.

Лида встала на клирос.

– Что с тобой? – спросила регент.

В этот момент вышел из алтаря батюшка с кадиллом, возгласил:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков.

– Аминь, – громко произнесла Лида.

Служил отец Димитрий один, диакона в маленькой церкви не было...

Когда запели «Вечную память», перед глазами встало кладбище, на котором похоронена бабушка. В последний раз была на её могилке до всех майданов. Ездили с мамой. А теперь на месте бабушкиной могилы зияла воронка. Она ясно видела эту огромную яму. Не было большого деревянного креста с иконкой Божьей Матери «Казанская» под полукруглым металлическим козырьком, не было лавочки, покрашенной в зелёный цвет, металлической высокой ограды, ничего не было. Чёрная жирная земля, перемешанная с тяжёлой бурой глиной, лежала по сторонам безобразной воронки.

Аннушка-Айгуль

В Рождественский пост соборование на своём приходе я пропустил, пришлось ехать в Знаменский храм. Церковь приятно удивила, последний раз доводилось бывать в ней лет восемь назад, она ещё восстанавливалась, а тут – красавица. Бывает такое, заходишь в храм, и с первых шагов душа размягчатся – ты дома. И всё-то тебе нравится, и всё-то тебя радует, от всего исходит любовь. Зимнее утро выдалось пасмурным, но не хмурым, за окнами церкви белый пушистый снег празднично укрыл город, и в церкви господствовал белый снежный цвет. Тёплый, сердечный он служил торжественным фоном для святых образов. До соборования оставалось минут десять, я ходил от иконы к иконе, рассматривал лики святых, прикладывался.

Из алтаря вышел настоятель, батюшка Николай. Не видел его лет десять, не меньше. Быстро время летит. Очень быстро. Долгие годы он служил настоятелем госпитальной церкви в честь иконы Всех скорбящих Радость. На тот период, пожалуй, это была единственная в городе церковь, которая могла похвастаться мужским хором. Не все хористы были верующими, это мне рассказывал знакомый клирошанин, но пели хорошо. Ещё одна особенность – в церкви был свой устоявшийся приход. Я чаще ходил в кафедральный собор, там прихода как такого не было. Это и понятно, со всего города

народ ехал. В госпитальной все друг друга знали, чувствовалась атмосфера семьи, где царят доброта и любовь... Три года назад батюшку Николая владыка перевёл в Знаменскую церковь. Рассказывали, батюшка очень переживал, он с нуля восстановил госпитальную церковь, лет пятнадцать служил в ней. Приход ушёл в Знаменскую вместе с ним...

Подошёл к батюшке Николаю за благословением. Постарел он, заметно постарел. Когда-то чёрная борода стала серебрино-седой...

Впервые в жизни я отстоял ночную пасхальную службу в Скорбящинской церкви. Всё было внове, необычно. В центре службы батюшка Николай – вдохновенный, подвижный. Расшитое золотом красное пасхальное облачение, зычный баритон, совершая каждение, летал по храму. Всякий раз, когда выходил на амвон, обращаясь к церкви с возгласом «Христос воскрес!», моё сердце счастливо замирало в готовности выкрикнуть вместе со всеми: «Воистину воскрес!» В конце службы батюшка Николай обнимал каждого мужчину. Мы по очереди подходили к нему, он обнимал, поздравлял. От бороды пахло ладаном...

Взяв у батюшки благословение, отошёл в сторону и тут меня тронули за плечо, обернулся. Бог ты мой, какая встреча, сестра во Христе Света-Фотиния. Обнялись. И с ней давно не виделись – года четыре.

– Познакомься, – сказала Фотиния, – это Аннушка.

Рядом с Фотинией стояла казашка лет тридцати пяти от

роду, кожа цвета чая с молоком, тёмные глаза, слегка выпирающие скулы, брови чёрными дугами. Красивое лицо. Как узнал позже, Анной нарёк её батюшка при крещении. А от имени, что дали родители по рождению, веяло вольной степью, по которой под знойным ветром зелёными волнами ходит ковыль, – Айгуль.

После соборования мы вместе с Фотинией и Аннушкой пошли на автобусную остановку. Сразу подошёл Аннушкин автобус, она, распрощалась и уехала. Мы с Фотинией дождались нашего «семьдесят третьего», по дороге она мне рассказала историю Аннушки-Айгуль.

Они вместе лежали в больнице. Фотиния, человек тактичный, дабы не смущать соседку мусульманского рода-племени, молилась украдкой. Иконочку достанет из-под подушки, не афишируя своих действий, приложится, крестик, отвернувшись к стене, поцелует, молитвы пошепчет. Айгуль заметила ухищрения русской, улыбаясь, сказала:

– Не прячься, я ведь тоже православная, Анной крещена.

– Почему крестик не носишь? – прозвучал резонный вопрос.

– Крестик при мне, да не на мне, открыто не могу носить.

Заболела у будущей Анны дочь-отроковица. Восемь лет, тело опухло с шеи до ножек, а врачи понять ничего не могут. Положили в больницу, одно за другим лекарство назначают, уколы ставят, таблетки дают, опухоль не спадает. Районное село, доктора решили отправить пациентку в област-

ную больницу, пусть городские светила разбираются с неведомой болезнью.

На счастье Айгуль нянечка перехватила её в уголке и тихонько посоветовала, чтобы та пояс с псалмом «Живый в помощи Вышняго...» надела на девочку. Айгуль так перепугалась за своё чадушко, что не только послушалась русскую женщину, пошла дальше – дала обет, если дочь выздоровеет, крестить её и самой принять православие.

В большом городе с его разобщённостью проще решиться на подобный шаг, но для Айгуль, сельской жительницы, у которой процент мусульманских родственников на один квадратный километр деревни имел двузначное значение, поступок был на грани подвига.

Повезла дочь в областной центр. Дорога не близкая – на автобусе шесть часов трястись не по самой лучшей в мире автотрассе. Пока мать с дочкой ехали, пока в больницу их положили, опухоль начала спадать, а потом и вовсе исчезла. Врачи осмотрели девочку, прослушали, потребовали анализы сдать, а потом выразили недовольство: «Вашим докторам только бы сбегать пациента, всё у девочки в норме, незачем было приезжать».

Айгуль обет, данный Господу Богу, не забыла. Чаще случается наоборот: пока пожар – каких только обещаний ни даётся, пламя стихло, трагедия отступила – клятвенные заверения забываются, обеты откладываются на потом, мол, если вдруг ещё такое подобное случится... Айгуль оказалась

не с короткой памятью, потерять единственное чадо для неё было смерти подобно, из больницы повела дочь в церковь.

– Вы хорошо подумали? – спросил священник.

– Да, – твёрдо ответила Айгуль.

– Не минутный порыв?

– Нет! – произнесла Айгуль и рассказала про обещание, данное Богу.

Ни матери своей, ни отцу и никому из родственников о крещении не обмолвилась. И дочь молчит.

Время от времени Аннушка звонит Фотинии, просит подать записки на проскомидию, заказать молебен, сорокоуст. Выбираясь в Омск, старается сходить на службу.

– Что интересно, – сказала Фотиния, – девочка у неё тоже серьёзно относится к тому, что крещена. Не сомневается, что Иисус Христос ей помог вылечиться. Пояс с Девяностым псалмом хранит как дорогую святыню.

Молитвенный круг

Екатерина Петровна из настоящих церковных бабушек. Не тех, кто порог церкви впервые робко переступил в пожилом возрасте, а кто ходил на службы в атеистические советские годы, вырослел, старился с Богом в сердце. Таких древних экземпляров, практически, не осталось в наших церквях. Много-много лет назад Екатерина Петровна ушла на пенсию и попросилась на клирос. «Всю жизнь мечтала», – сказала регенту. На сегодняшний день она самая пожилая клирошанка в соборе. Пусть не та энергия, что переполняла в пятьдесят пять лет, зато голос не подводит. «Сколько Бог даст – буду петь», – твёрдо говорит. Недавно похоронила младшего и единственного своего брата.

Екатерина Петровна волжанка, родилась в 1930 году в Астрахани. Была у матери с отцом третьей по счёту, два брата до неё умерли и после неё двоих снесли в крохотных гробиках на кладбище. Двое в полгода умерли, двое – в семь с небольшим месяцев. Сколько раз девчонкой Катя представляла: вот бы все они в живых остались – старшие братья, младшие. Завидовала большим семьям, уличные подружки были богаты братьями и сёстрами... Когда ни зайдёшь к ним – многолюдно, разноголосно, весёлая кутерьма. Вечером соберётся семья за столом – плечо к плечу, локоть к локтю... Вернётся Екатерина домой – тихо, скучно, тоскливо. Кошка

сонная спрыгнет с печки навстречу и всё...

В конце улицы жили две монахини: Евдокия-маленькая – низкорослая, сухонькая, припадала при ходьбе на одну ногу, и Евдокия-большая – высокая, плечистая, издалека видно, когда по улице размашисто идёт. Екатерина Петровна затрудняется сказать, какого они были возраста. Ей, девчонке, казалось – совсем пожилые. Скорее всего, монахини пришли в мир из монастыря. Советская власть обители закрывала, монахов и монахинь в лучшем случае разгоняла. В худшем – отправляла в лагеря, расстреливала. Многие тысячи прошли скорбным путём гонений, сотни вошли в сонм святых новомучеников и исповедников российских.

Впервые к монахиням Катя пришла с матерью. Потом сама бегала в их домик о двух окнах с зелёными ставенками по фасаду, густые кусты сирени в палисаднике. В домике было много икон, церковных книг. Катя любила рассматривать роскошное Священное Писание с рисунками Доре. Листала его, а матушка Евдокия-маленькая рассказывала об Адаме и Еве, Аврааме, Ное и потопе, пророках Илие, Моисее, Божьей Матери, Иисусе Христе... Катя, затаив дыхание, слушала. Душа трепетала, прикасаясь к неведомому миру, непостижимо огромному, таинственному, притягательному...

Монахиням Катя пожаловалась: нет у неё ни братика, ни сестрёнки, а так хочется не одной быть.

– Проси у Бога, свет Катенька, – сказала Евдокия-большая, – молись.

– И не от случая к случаю, – добавила Евдокия-маленькая, – постоянно проси, Бог обязательно услышит.

– Они у нас младенчиками умирают, – вздыхала по-взрослому Катя, – совсем младенчиками. – И повторяла слова матери: – Задохликами рождаются...

– Проси, свет Катенька, для Господа Бога ничего невозможного нет...

Катя начала молиться. В школе говорили: Бога нет. Катя не спорила, но крестик тайком носила. Однажды классом шли на экскурсию, перепрыгивая через канаву, Катя запнулась, упала, невольно вырвалось:

– Господи, да что это такое?

Ух, молоденькая учительница напустилась, весь класс подозвала и отругала:

– Что это ещё за возгласы?! Советская школьница называется! Чтобы в дальнейшем я никаких «Господи» не слышала от тебя, Пирогова!

Кто бы только знал, как ей тогда обидно сделалось. Училась хорошо, поведения примерного, а будто на двоечника распоследнего зло накричала учительница. В начале девяностых годов поедет Екатерина Петровна к племяннице в Астрахань и в церкви увидит ту учительницу, свечку ставила на канун. Со страшной силой захочется подойти и сказать: «Помните, Антонина Сергеевна, вы меня перед классом отчитывали за то, что запнувшись Господа Бога помянула. Найди вы у меня тогда крестик, со света бы сжили. А

вот уже и сами в церковь пришли». Нестерпимое искушение вспыхнуло высказаться учительнице. Благодарила Бога, что сдержалась, не пошла на поводу у давней обиды.

О братике, сестрёнке молилась Катя дома, по дороге в школу, на берегу Волги.

В июле 1941-го отца забрали на фронт. «Катя, молись за папу», – повторяла мать. Катя молилась и продолжала вымаливать у Бога братика или сестрёнку. В 1942 году отец после ранения пришёл на побывку домой, а в 1943 году родился Федя.

Катиной радости не было предела. Наконец-то у неё братик. Пока что совсем маленький, но скоро вырастет, и они всегда будут рядом – брат и сестра. Однажды Катя услышала разговор матери с соседкой. «Мальчишки у меня все грудничками умирают, ни один до восемь месяцев не дожил, – жаловалась мать, – уж так за Федю боюсь». Катя начала слёзно просить Бога, Пресвятую Богородицу, чтобы Федя дожил до восьми месяцев. Считала, если пройдёт роковой срок – выживет. То и дело подходила к люльке, прислушивалась к дыханию. Всматривалась в личико, поправляла крестик на малыше.

– Катенька, – смеялась мама, – что ты крутишься вокруг него?

– Он у нас такой красивый!

– Ещё бы, наш ведь!

Никогда не заводила с матерью разговор: вдруг умрёт.

Суеверно боялась произнести мысль вслух.

Катя хорошо запомнила тот поздний вечер, мама была на работе, а она сидела рядом с люлькой. Видение было или задремала... В красном углу стояло на Божнице три иконы: Казанская Божья Матерь, Господь Иисус Христос и Святитель Николай. Вдруг Катя увидела, что со стороны иконостаса вышла Божья Матерь. Она приблизилась и сказала: «Ты не беспокойся, братик твой будет жить». Затем развернулись и молча ушли в иконостас.

Эта картина по сей день ярко стоит перед глазами.

Судьба разбросала их с братом. Екатерина Петровна уехала в шестидесятые годы с мужем Сибирь, брат осел в Казани. Каждый год Екатерина Петровна ездила летом к Феде. Брат, бывало, в лепёшку расшибётся для сестры. Обязательно устроит отдых на Волге или в устье Камы. Екатерина Петровна волжанка – и этим всё сказано. С детства любила необъятные речные просторы с храмом небес, вольным ветром, кручами берегов, так бы сорвался и полетел, непрерывным движением огромного поля воды.

Собирались сестра с братом летом семьями и проводили отпуск на берегу Волги. Федя был страстным рыбаком, специально купил вместительный катер «Прогресс» большой компанией выезжать на волжские просторы. И всегда брату с сестрой было радостно рядом друг с другом.

– Феденька, – вспоминала Екатерина Петровна, – кто бы только знал, как я боялась за тебя. Сиж у люльки и плачу:

«Боженька, оставь его в живых. Что Тебе стоит, нет у меня кроме него ни братика, ни сестры!» Встану у иконы Богородицы: «Матушка сохрани Феденьку, Матушка, сохрани!»

Размышляя о своей жизни, приходила к мысли: насколько беднее была бы она без брата. Муж хороший, дочь, слава Богу, а утром в молитве произнесёт имя брата, и посветлеет на душе.

Федя так и не воцерковился. По настоянию Екатерины Петровны, когда та приезжала в Казань в последние годы, исповедовался и причащался, но не более.

– Какие у вас храмы, монастыри! – восхищалась Екатерина Петровна. – Раифский монастырь – райское место. В Казани обретена чудотворная икона Казанской Божьей Матери. Помнишь, у нас в доме в Астрахани была икона?

– Три стояло у мамы.

– Одна из них Казанская. Ты бы, Феденька, только знал, как это хорошо молиться Богу.

Федя улыбался:

– Сестра, ты уж помолись и за меня.

– Всю жизнь молюсь, но я старше на двенадцать лет, умру, кто за тебя молиться будет?

– Значит, мне надо раньше.

– Типун тебе на язык.

Умер Федя раньше. В семьдесят три года. Екатерина Петровна приехала на похороны и настояла, чтобы отпевали в храме. Пришлось даже с фирмой ритуальных услуг вступить

в полемику. Агент не хотел завозить в церковь, менять утверждённый маршрут «дом-кладбище». Пришлось припугнуть отменой заказа.

– Тогда мы не вернём аванс, – пригрозил агент.

– Через суд вернёте! – парировала Екатерина Петровна, она умела постоять за себя. – А мы похороны перезаказываем в другой фирме, время ещё есть.

И прекратила разговор. Тут же раздался звонок:

– Полчаса вам хватит?

– Не меньше.

– Ладно.

Екатерина Петровна впервые приехала в Казань в середине шестидесятых годов, и уже на второй день попросила брата сводить её в храм. Он широко заулыбался:

– Я знал, моя любимая Катенька-сестрёнка обязательно в церковь запросится, поэтому всё доподлинно разузнал. Есть в Казани две действующие, одна – на Арском кладбище, вторая – на улице Баумана.

Повёз сестру в Никольский собор на Баумана.

Екатерина Петровна, собираясь на похороны, решила: надо отпеть брата в этом храме. В нём первую свою литургию отстоял, в нём впервые в Казани причастился, исповедовался.

В Никольском отпели раба Божьего Фёдора...

– Вот и получился круг, – вздыхает Екатерина Петровна, – сначала молилась о рождении Феди, родился – просила Бога

живым оставить, потом молилась о его здравии духовном и телесном, а теперь вот – об упокоении души...

Убрус

Миниатюрная миловидная проводница оказалась громкой. Бросив взгляд на мой билет, тут же потеряла к нему интерес, повернула голову в сторону киосков на перроне, зычно крикнула:

– Мне белое мороженое. Типа пломбира! Белое!

– Белое, конечно, лучше красного, – не смог я не подать реплику.

– Завсегда! – с интересом посмотрела на меня проводница и протянула билет. – У вас шестое купе.

Моё эгоистичное желание ехать без попутчиков сбывалось, в купе я оказался в единственном числе. Полистал журнал и задремал под уютное покачивание вагона.

Сквозь сон услышал голоса за окном. Поезд стоял, пронзительный женский крик подгонял кого-то: «Быстрее, что ты телепаешься?» В ответ басисто прозвучало: «Ещё мешок времени – успеем два раза!».

Моя мечта: «Хоть бы никого не подселили», – не осуществилась. Дверь в купе открылась, вошёл священник. Чёрная с проседью аккуратно постриженная борода, скуфейка, подрясник, дорожная сумка, очки в тонкой оправе. Невысокий, энергичный. На вид лет сорок пять.

– Здравствуйте, – пропел баритоном.

Я ответил, и когда он поставил баул, обратился к нему,

склонив голову:

– Благословите, батюшка.

– О, брат во Христе, – расплылся иерей в улыбке, – это хорошо. Как звать-величать?

Познакомились. Батюшка представился отцом Михаилом.

Поезд тронулся, поплыли за окном сибирские равнины с рошицами, лугами... На берёзах одинокие жёлтые листочки среди подвижной зелени выглядели предупреждающими знаками: торопитесь радоваться лету, вот-вот истают тёплые денёчки. В синем небе сахарными глыбами стояли облака.

– Давайте будем трапезничать, – предложил батюшка. – Сёстры постарались, сумку до краёв набили. Племянницу замуж выдавал. Возвращаюсь со свадьбы. Ехать всего одну ночь, они на трое суток снарядили едой.

Я полез в свою сумку...

– Ничего не доставайте, – запротестовал батюшка, – вам вдвое дальше ехать, а моё надо всё уничтожить. Хотя бы ополовинить.

Батюшка говорил весело, зычно...

У меня имелась среди снеди бутылка красного крымского вина. На предложение «выпить по маленькой» батюшка засмеялся:

– Наш владыка говорит: «Первый бокал – для здоровья, второй – для веселья, третий – для безумства». Поэтому два можно спокойно употребить.

Мы выпили «для здоровья». Стол был завален закуской. Батюшку на самом деле снабдили более чем основательно: мясо трёх сортов (буженина, курица, ветчина), жареная рыба, помидоры, огурцы свежие и солёные, зелень, селёдка под шубой в пластмассовом контейнере, варёные яйца (как же без них), круглая буханка хлеба...

– Из армии демобилизовался, – сказал батюшка, – водку пил как воду. Месяца два. В июне вернулся и до Успенского поста гулял без продыху. Потом думаю, что я делаю? Это ведь гордыня! Служил во время первой Чеченской в госпитале медбратом. Начал себя отчитывать: подумаешь герой! Другие по-настоящему воевали... Кто-то погиб, кто-то инвалидом остался. А ты-то что за ветеран боевых действий? Ну, раненых обихаживал. Ну, крови насмотрелся. Стыдно перед воевавшими ребятами рубаху на себе рвать – я крутой боец. Ну, побывал пару раз в перестрелках. Ни про какой сан тогда и думать не думал. В Бога верил. Спасибо крёстной. Вовремя провела со мной катехизацию, я сам в пятнадцать лет принял решения креститься. В армию провожая, ленту с девяностым псалмом крёстная дала. Отругал себя пьющего и лет семь вообще не нюхал вино.

Заглянула громогласная проводница, предложила чай. Мы попросили принести попозже и покрепче. Прогрохотал встречный товарняк. Он летел на запад. Вёз уголь, лес-кругляк...

Я спросил батюшку, давно ли он рукоположен. Отец Ми-

хаил заулыбался:

– Вам на самом деле интересно?

Ещё как интересно. Наше поколение в девяностых годах оказалось свидетелем явлений, о которых в восьмидесятых и думать не могли. Среди них страшные – бурный расцвет наркомании, бандитизма и вселяющие надежду возрождение церкви. Один за другим стали восстанавливаться храмы, зазвенел колокольный звон, и возникла проблема – кому служить в новых церквях? Открытием прозы о современной церкви стал для меня Ярослав Шипов. Журнал «Наш современник» напечатал подборку рассказов «Отказываться не вправе» о буднях сельского священника из глубинки. Европейский север, деревни, почти начисто забывшие, что такое храм Божий. Захватывающе интересное чтение. Я-то по наивности считал, тема церкви вещь сугубо серьёзная, в ней нет места улыбке. Оказывается, ничего подобного, можно писать с юмором, иронией, самоиронией. Что подтверждал авторитет автора, рассказы написаны не кем-нибудь, а священником, и не кем-нибудь, а профессиональным писателем. В них была свежесть, достоверность, глубина и высота. Проза писателя и до рукоположения его в сан иерея была крепкой и основательной, однако не более того. Проза священника обрела новое звучание, расширила границы – «яко по высоте небесней от земли».

Писатель Шипов, большой любитель охоты, частенько уезжал от московской суеты куда подальше. Побывать наеди-

не с природой, послушать лесную тишину, подумать о бренности бытия. Однажды в таких скитаниях приглянулся ему глухой район на севере Вологодской области. Было где порыбачить вволю и с ружьишком в своё удовольствие побродить. И прикупил в одной деревеньке избушку. Стал наезжать туда и вдруг в один из своих приездов узнаёт, что односельчане надумали восстанавливать разорённый храм. Писатель подключился к Богоугодному делу, принялся помогать по мере возможности поднимать церковь из руин. Деревенский люд довёл задуманное до победного завершения, после чего возник вопрос: кому окормлять паству нового прихода? Мужики да бабы долго чесать затылки в поисках ответа не стали, указали на Шипова: кому как не тебе. Ехал побродить с ружьишком по лесам, да лугам, а оказался в пастырях.

Недавно рассказали житейскую историю. В конце восьмидесятых годов прошлого века жила-была типичная советская семья: муж, жена, сын. Среднестатистическая по количеству членов и партийной принадлежности. Глава – руководитель отдела на оборонном предприятии и коммунист, сын – студент университета и комсомолец. Нарушала типичность хозяйка – верующая гражданка. Не афишировала отношение к Богу, в церкви вставала подальше от лишних глаз, за колонну. Знакомые похихикивали, глядя на шпионские ухищрения прихожанки: платочек, глубоко надвинутый на глаза, плюс очки с простыми стёклами, украдкой надеваемые в церковном дворе (жаль – с тёмными в церкви стоять

нехорошо). Опасалась женщина больше не за своё реноме, боялась навредить карьере мужа. Тот ворчал на жену, однако категорично вопрос «или я, или церковь» не ставил. В тот день уезжал он в командировку, жена, провожая за порог, украдкой перекрестила спину, прошептала: «Спаси, Господи». Муж обернулся: «Что?» – «Иди, иди», – махнула рукой. Вечером муж неожиданно вернулся. В крайне возбуждённом состоянии... Машина, в которой ехал вместе с сослуживцами, попала в жуткую аварию. У одного коллеги перелом обеих ног, у второго – серьёзно повреждён позвоночник, у третьего – тяжёлое сотрясение мозга. Все в больнице. «Один я цел и невредим! – нервно ходил по комнате муж. – Как так получилось?» На что жена простодушно сказала: «Я ведь крестик в твой костюм зашила. Бог и уберёт». Муж махнул на неё рукой: не, плети, что не следует, какой ещё крестик? Жена подпоролла бритвочкой лацкан мужниного пиджака, достала маленький, сантиметра в полтора, серебряный крестик. Муж осторожно двумя пальцами взял его, отставил от глаз руку на всю длину (очки разбил при аварии), посмотрел на крестик с разных сторон. «И что эта мелочь может?» – спросил, несколько не сомневаясь в отрицательном ответе. Однако через четыре года стал священником.

Иисус Христос, проповедуя в Иудее и Галилее, призвал в апостолы рыбаков Петра и Андрея, Иоанна и Иакова, мытаря Матфея, врача Луку... В девяностые годы прошлого века Он, пока создавались и открывались новые семинарии,

призывал к апостольской службе инженеров, учёных, военных, бизнесменов и даже партийных работников... Вот ещё пример из жизни. Владыка при реставрации кафедрального собора заметил каменщика (благочестивый украинец, из верующей семьи, исповедуется, причащается) и рукоположил. Начал новоиспечённый (правильнее – новорукоположенный) батюшка строить свой храм: и в брёвнах (точнее – в кирпиче), и в рёбрах – приход создавать. Белый священник не монах, не молитвой единой живёт – семья на плечах. Купил домик неказистый, на казистый средств не хватило. Жилая площадь ну очень скромных квадратных метров, надо расширять. А кому? Батюшка за каменщика в церкви от зари до зари трудится. Тогда матушка взяла в руки мастерок и принялась с помощью сына-подростка домашние стены класть. Батюшка поздно вечером вернётся со своего объекта и ну разбирать кладку, что матушка за день наваяла: переделывай, дорогая моя, не Пизанскую башню строишь, нам уникальная кривизна ни к чему, в Книгу рекордов Гиннесса записываться не будем. Так и возвели каждый свои стены. Батюшка – церковные, матушка – домашние.

Вопрос отца Михаила «Вам на самом деле интересно?» был излишним. Мне, любопытному, была более чем интересна история рукоположения отца Михаила.

– Владыка Вениамин приехал в наш городок на престольный праздник, – начал рассказ батюшка, – мне только-только тридцать шесть исполнилось. Постоянно помогал батюш-

ке Ефрему в алтаре, на клиросе. Подхожу к владыке на благословение, он вдруг спрашивает: «Ты долго в миру ходить будешь?» Меня жаром обдало, заикаться начал: да я что, да я как, да я не знаю... Потом вырвалось: «Как благословите». Он: «Смирение – это хорошо. Надо тебе в духовное училище». К батюшке Ефрему повернул голову: «Привози осенью».

Домой прихожу, голова кругом, что делать? Жена умница: «Раз владыка сказал, надо слушаться...» Сказать-то он сказал, пускай не семеро у нас по лавкам, да тоже не вдвоём за обеденным столом. Младшему сыну – годик, старшему – четырнадцать, дочери – двенадцать. На жизнь мелким бизнесом зарабатываем – магазинчик у нас. «Попробую без тебя, – говорит супруга, – что раньше времени умирать, владыка он дальше нас видит». В сентябре поехали с отцом Ефремом в духовное училище. Батюшка ректору нахваливает: «Готовый священник, службу знает, голос отличный. Мой первый помощник. И любое дело в руках горит».

Начал учиться. Домой наездами, жена одна бьётся-колотится. Магазинчик через дорогу от дома, жена с утра за прилавок встаёт, малыш с бабушкой, тёщей моей дорогой. Если надо за товаром ехать – тёща в магазин идёт торговлю вести, нянькой остаётся наша дочь, а жена на такси по оптовикам. В свободное от учёбы время сын помогал в магазине. Вся семья на жизнь зарабатывает, папа учится. И это сыграло свою роль, и Иоанн Златоуст с Иоанном Кронштадтским. Почитал

их труды о священстве... В Евангелии от Матфея написано: «Священники – соль земли». Думаю, ну я-то какая «соль»? Какой из меня окаянного пастырь? Как могу окормлять и оберегать свою паству, если сам неразумен. Возложу на себя бремена непосильные, сам не спасусь и других введу в грех. Батюшка Ефрем до духовного училища институт окончил, в техникуме десять лет преподавал, а я со второго курса политехнического ушёл в армию. Больше никаких образований.

Иоанн Златоуст в шести словах о священстве говорил, что личные подвиги пастыря: пост, бдение, чтение, тайный плач – хорошо, но мало. Главное – бодрствовать над стадом, не отпускать овец гулять далеко, замечать приближающегося волка, и рук ни на кого не возлагать поспешно. Кого я могу от волков сберечь, наставлять на путь, когда сам нуждаюсь в духовном руководителе. Смалодушничал и сбежал из духовного училища, как последний двоечник. Вернулся домой побитой собакой. В церковь глаз не кажу. Жена ходит на службы, я – ни-ни... Больше месяца просидел в затворе, потом подъезжаю к заправке, а там машина отца Ефрема, и он выходит из павильона – не сбежишь. Ни одним словом о моём малодушии не обмолвился. Пожурил, что на службах не бываю. У меня от сердца отлегло, начал в церковь ходить, причащаться, в алтаре помогать. Жизнь пошла своим чередом. Вдруг в Великий пост батюшка говорит: «Был у владыки, требует тебя привезти». Я успокоился: владыка на меня нерадивого рукой махнул...

Мы не торопились с отцом Михаилом выпить «для веселья». Куда спешить, дорога длинная, рассказывал батюшка увлечённо, слушать одно удовольствие. Но ум наш, известно дело, непоседлив, любит витать, по всей земле бегать... Вспомнился мне профессор из США Лори Манчестер, с которой познакомила меня тема «русские китайцы». Однажды открыл для себя сообщество омичей, часть жизни которых прошла в Харбине (они ставят ударение на последнем слоге), станциях и городках Китайской восточной железной дороги, а так же в дивном уголке Маньчжурии – Трёхречье. Лишь в пятидесятые годы прошлого века приехали они из Китая в Советский Союз. Интересны соотечественники были тем, что жили в экзотической стране, а воспитывались по канонам дореволюционной России, несли в себе русскость, которая была утрачена в самой России под воздействием коммунистической идеологии. Общение с этими людьми вдохновило на работу, я написал семь или восемь повестей и рассказов о «русских китайцах». Лори Манчестер (правильнее называть её, православную, Ларисой) изучала русскую эмиграцию, её китайскую составляющую. С этой целью приехала в Омск, кроме этого собирала материалы в Москве, Челябинске, Хабаровске – центрах реэмиграции наших соотечественников из Китая. Манчестер притяжение к России почувствовала по прочтении ещё в подростковом возрасте романов Достоевского. Начала изучать русский язык, в конце восьмидесятых впервые приехала в Советский Союз, по-

том ещё несколько раз посещала постсоветскую Россию. В Москве приняла крещение. Недавно по электронной почте сообщила о крещении восьмилетней дочери, причём, та сама попросила об этом. «Теперь у нас половина семьи православные... – писала Лариса, – а вторая – муж и сын – нет».

Лариса приехала в Омск для встречи с «харбинцами». Тогда мы и познакомились. Часа два беседовали за чашкой чая в кафе при гостинице. Лариса с первых минут покорила простотой в общении, обаянием, говорила по-русски с акцентом, с неправильностями, но свободно. С первых минут возникло ощущение, мы знаем друг друга тысячу лет. Лариса рассказывала о встречах с омскими «харбинцами», кого-то из них хорошо знал, кто-то стал прообразом того или иного моего героя. Слушал Ларису, а за душу брала обида: почему эту драматичную, трагичную тему русской эмиграции дотошно изучает не историк-соотечественник, а иностранец, ему передают «русские китайцы» личные архивы, письма, фотографии, мемуарные записи.

Я подарил Ларисе несколько своих книг, она мне – иконку Пресвятой Богородицы Курская коренная «Знамение», маслице от лампы у раки с мощами святого Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, а также пообещала прислать книгу «Поповичи в миру», когда та выйдет в русском переводе. До исследования темы русской эмиграции Лариса несколько лет посвятила изучению такого российского феномена как поповичи.

Мы более-менее знаем о дворянстве, купечестве, мещанстве, крестьянстве, однако имелось ещё одно сословие в царской России – духовенство, соизмеримое по численности с дворянством. Это был свой мир в Российской империи, замкнутый, даже кастовый, духовно более здоровый, чем дворянство. Сословие в первую очередь пополняло ряды священнослужителей, однако кто-то шёл в мир, поповичи становились учёными, писателями, художниками, композиторами, инженерами, преподавателями, предпринимателями, ну и революционерами, как же без этого у широкого по натуре русского человека. Тот же Чернышевский из поповичей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.